

Отдохнешная ЖИЗНЬ

Семен Грила

Отложенная жизнь

В тот год театры аттракционов под названием «Придумай свою жизнь» стали возникать повсеместно — по мере удешевления технологии генерации пространства интеллектом 10D. Программа предусматривала трёхчасовую альтернативную жизнь с момента начала сеанса. Жизнь, как анонсировалось в рекламном буклете, отличную от повседневной жизни клиента.

Иствуд сразу уловил логическую нестыковку предложения с реальностью. Откуда они знают мои следующие три часа? Может, я и с машиной, и без неё проживу одинаково. Хотя нет, я же буду эти три часа сидеть в этой грёбаной кабине и жить эту предлагаемую жизнь. Значит, отличия будут. Ладно, посмотрим, что получится.

Он бывал в разных программах с дополненной реальностью и носил очки. Его интересовало всё, связанное с параллельными мирами и пришельцами. Он и себя считал пришельцем, особенно когда просыпался по утрам и оглядывался вокруг. Наверное, многие испытывают подобное, думал он тогда и успокаивался.

На это шоу он копил деньги уже третий месяц. Оно было дорогое, а зарплата у него была маленькой. Он был баристой в супермаркете рядом с домом. Непыльная работа. Но не разбогатеешь. Зато мозг всегда свободен, да и усилий требуется немного. Работа рутинная, фантазия у посетителей не особенно развита. Красота.

Иствуд Лисинюк жил свою лучшую, как считал, жизнь. Это он тогда аттракциона ещё того не видел. «Тогда» и «того» принципиально важными словами для него стали потом.

Что смущало ещё? Какое-то странное дуновение ветерка, как будто возникавшее, когда он брал в руки проспект того заведения, что предлагало другую жизнь. Наверное, так кажется просто, думал он. Но десять раз взяв проспект, десять раз почувствовал дуновение. Цирк, усмехнулся он. Так ведь не может быть. Не может, сказал ему внутренний голос в ответ. Или другой голос?

Он перестал думать и стал копить деньги. А когда накопил, отправился в молл, где и находился аттракцион.

Сеанс длился вечно. Когда он вышел на улицу, не узнал её. Вечером он рассказывал друзьям пережитое. Они слушали и кивали. Им казалось, что Иствуд сошёл с ума, ибо он рассказывал, как они сидят в баре и пьют пиво, что, собственно, они сейчас и делали.

Правда, Малыш Смолли заметил, что Иствуд всё время поворачивается не в ту сторону в поисках барной стойки. Остальным всё казалось обычным. Воодушевление Иствуда поддерживали вяло, минут через пять тема увяла, и вперёд вышел рассказ Коли Щипачёва про его свидание со Светой Парамоновой. Внимание резко повысилось. Все подавали реплики.

Дальше пошло как обычно. Иствуд разочарованно смотрел на друзей. Что со мной не так? — думал он. Я же такой, как они. Я бариста. Я простой и обыкновенный. Или нет? Я обыкновенный и простой...

Ему хотелось обратно в театр. Релятивизм, мать его ети. Откуда берутся эти слова, он не знал. Надо записывать. Всё, что происходит там и потом здесь. Важно ощущать границу.

После пятого сеанса появилось стойкое ощущение нереальности его реальной жизни.

Его уволили с работы, потому что он не варил кофе, а, поставив чашку, считал, что дело сделано, и удивлялся вместе с клиентом, что кофе в чашке нет. Так повторилось раз, другой. Случилось несколько скандалов с нервными клиентами. Потом разговор с менеджером и пожимание плечами. Потом снова и снова. А потом, несмотря на стаж и дружбу, его уволили. На вопрос Иствуда: «Со мной что-то не так?» — менеджер ничего не ответил.

Малыш Смолли тоже пытался поговорить с ним после увольнения, о котором компания узнала только через неделю, когда Иствуд попросил заплатить за него.

— Я на мели, — сказал он.

— Что случилось?

— Меня уволили.

— Слишком много времени проводишь на аттракционе? — спросил Коля Щипачёв.

— Да, — сказал Иствуд.

— И как?

Впрочем, этот вопрос повис в нелепой тишине. Спрашивающий смутился, остальные потупились. Ведь понятно — как. Чего спрашивать и чего отвечать.

Он продал квартиру — хватило на следующие полгода.

За это время он фиксировал увеличивающиеся разрывы реальности, жил в деловом хосписе, там все пилили свою жизнь, перестал видеться с друзьями и оброс шерстью. Последнее слегка раздражало. Приходилось брить выступающие из-под одежды части тела. Но это всё были мелочи. Он выл по ночам на луну. Вот прям так — сидел и выл в любую лунную ночь.

Он считал это побочными эффектами и всё больше и больше читал. Чтение заполняло паузы между сеансами и добавляло сказочности. Смущали футурологи своими нелепыми

предсказаниями, про экономистов и политологов и говорить нечего, не стоят они того. Но были настоящие писатели. Были! Брали целиком, но постепенно. Почти так же, как его брал аттракцион. Они чем-то похожи.

Станным образом он нащупал взаимосвязь между двумя потоками своей дивергенции. Теперь не только аттракцион влиял на него, но и он на аттракцион. Сюжеты прочитанных книг вплетались в рисуемую цифровую реальность аттракциона, но весьма причудливо, не линейно, и это поначалу было почти неуловимо, а потом Иствуд увидел, потом осознал, а потом синхронизировал.

Он шёл, иногда бежал, хотел добраться до той точки в пространстве, где закончился утренний сеанс. Он знал это место, но оно было в почти непроходимой части городского парка. Он шёл туда битый час и никак не мог дойти. В утреннем его будущем это было не так далеко. Очевидно, что программа срезала как-то углы и расстояния, либо в неё были загружены старые виды местности. Главное было в том, что он любил это место, но никогда никому об этом не говорил. Его мыслей не было в эфире, значит, подслушать аттракцион не мог, а мог только понять его. Но как? Вопрос был неразрешим.

Невозможно представить, что они читали его мысли. Он не заметил, как стал называть аттракцион не программой, не театром, а «они». Они, они, они. Кто эти они?

Вот этот забор, за которым кончается парк. На заборе висел пакет. В пакете записка: «Возьми мешок на следующий сеанс». Прямо как плохой фильм или хороший, но старый, подумал Иствуд, но мешок взял.

Обратная дорога была скучной. Он устал. Мозг почти отключался, зрение село — он едва различал дорогу. Надо поспать. Но через час аттракцион. Дневной сеанс.

Формально он уже накопил много часов между реальной жизнью и виртуальным будущим. Но было непонятно, насколько далеко он ушёл на самом деле. Количество не превращалось в качество. Напротив, его жизнь становилась всё скучнее. Событий почти не было. Он жил между сеансами — в основном в бреде сна и ожидании следующего аттракциона.

Первоначально анонсировалось, что его жизнь будет просто проекцией в будущее на несколько часов. Но в действительности это, скорее, были сны. Трансляция событий не повторялась в его жизни, повторялись сны. Подвох? Он чувствовал, но не понимал. Может, это эффект алкоголика? Я просто зависим от сеансов, и всё. Механизм примитивен. Побочки — следствие изменившегося образа жизни.

А шерсть? Он оброс. Ты забыл?

Он разделся. Шерсти не было. Хуйня какая-то, подумал Иствуд. Они издеваются, что ли! Я что — цирковая лошадь?

Пусть дадут что-нибудь, чтобы я поверил, что будущее, которое я проживаю с ними, действительно будущее, и к тому же моё. Они должны мне что-то дать, думал Иствуд.

«Они дали тебе мешок, тебе мало?»

Кто это сказал? Ужас! Фрейд?

Малыш Смолли не сводил с него глаз:

— Это ты?

— Это я.

Они стояли на густо освещённой улице рядом с моллом. Как Малыш его узнал, Иствуд не знал. А Малыш не изменился совсем, хотя они не виделись уже давно. Прошлое — оно как дом: тепло, сытно и безопасно. С прошлым ничего не может случиться, не то что с будущим.

В глазах защипало. Он плакал? Гончаров, кажется, идеально сказал: воспоминания плачут. Откуда Гончаров? «Обломов»?

Библиотека, вспомнил он и опять заплакал. Нет, просто продолжил. Малыш Смолли давно ушёл, а Иствуд всё стоял и плакал.

— Надень мешок на голову, — сказал ему следующий сеанс.

Он надел.

— Видишь что-нибудь?

Он помотал головой.

— Сейчас тебя расстреляют, — бесстрастный голос. — Указ подписан. Ты готов?

Он покачал головой. Нет. Он не готов. Не готов. Вдруг. Как же так?

— Ну хорошо. Пять минут ещё. Подумай.

— А что будет?

И он увидел. Едет фельдъегерь, везёт ему помилование. И вот он в Бадене за игровым столом. И просто за письменным столом. Столы, столы. Что я читал? Да-да, это же — ну да, пропущенная жизнь.

Я не боюсь. Это прошлое — я не боюсь прошлого.

Он снял мешок.

Похоже было, что надо снова жить. Он вышел. Аттракцион закончился. В будущем страшно, я не хочу туда.

Малыш Смолли улыбался.

— Давай, до скорого, старик.

— Я не старик.

— Как знаешь, — Малыш Смолли улыбался. — Давай, до скорого...

Иствуду было не смешно. Что-то где-то заело. То ли здесь, то ли там.

Но они ждали его. Эти пресловутые «они».

— Ну как ты, Иствуд?

Он пожал плечами.

— Мы тут подумали: может, ты вернёшься в кофейню? Ты же бариста.

— Я могу, — сказал он.

— Ну и отлично, — сказали они.

Смолли улыбался.